
Лёша Сергеев
Пылинки на солнце
Маленькие истории о большом счастье

Лёша Сергеев

Пылинки на солнце

«Автор»
2026

Сергеев Л.

Пылинки на солнце / Л. Сергеев — «Автор», 2026

Эта книга выросла из простой привычки — замечать хорошее. Не громкое, не парадное, а то, что обычно проскальзывает мимо: как соседка выносит корм бездомному коту и разговаривает с ним, как в маршрутке незнакомые люди вдруг начинают смеяться над одной шуткой, как пахнет первый дождь после долгой жары. Для тех, кто хочет вспомнить: жизнь состоит не только из крупных событий. Она состоит из пылинок на солнце — и их гораздо больше, чем кажется.

© Сергеев Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Танцующий внутри 5
Форма содержания 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Лёша Сергеев
Пылинки на солнце

Танцующий внутри

Знаете, есть мужчины, у которых все складывается правильно. С самого начала. Школа — золотая медаль. Институт — красный диплом. Работа — как по маслу. Женятся — на самых красивых. Рожают детей — самых умных. Даже кофе у них по утрам не проливается на рубашку. И галстук завязывается сам собой.

Наш мужчина был именно таким.

Он шел по жизни твердой походкой, и жизнь почтительно расступалась перед ним. Никаких сюрпризов. Никаких «а вдруг». Только четкий план и чувство собственного достоинства.

А жена у него была — дай бог каждому. Поддерживающая. Не та, которая молчит. А та, которая видит. Которая в любой непонятной ситуации скажет не «что за глупости», а «попробуй, я с тобой».

Потом в город приехал Бобби Макферрин.

Кто такой Бобби Макферрин, в городе знали только дети из музыкальной школы, потому что Макферрин приехал учить их голосу. Не пению — нет. Голосу. Как дышать. Как смеяться. Как плакать без слов. Дети выходили с занятий странные — глаза блестят, щеки горят, и каждый что-то напевает себе под нос, не слова, а так — звуки. Тра-ла-ла. Или ду-ду-ду.

Родители пожимали плечами. Дети есть дети.

Маэстро Макферрин дал концерт. Вечером. В маленьком зале.

Наш мужчина пошел с женой. Это она сказала: «Пойдем, там что-то необычное». Он хотел отказаться — отчеты, планы. Она посмотрела на него: «Пойдем. Я с тобой».

Он надел хороший пиджак. Пришли. Сели в третьем ряду.

Она слушала. Не поглядывала на часы. Иногда поворачивала голову к нему — проверить, как он.

А он слушал так, будто в первый раз слышал, как человек поет без слов. Как берет ноту и качает ее, как младенца. Как отпускает себя туда, где нет планов, нет отчетов, нет галстуков.

Мужчина сидел прямо. Лицо спокойное.

Только жена заметила — он не дышал. В перерывах между нотами делал один короткий, жадный вдох.

Она тихонько положила ладонь на его руку.

Ничего не спросила. Просто положила.

После концерта она спросила: «Ну как?»

Он хотел сказать «нормально». Открыл рот. И не смог.

— Не знаю, — сказал он.

Она улыбнулась. По дороге домой молчала. Включила радио тихо, чтобы не мешать ему думать.

На следующий день он уходил с работы вечером. Солнце уже не жгло, висело низко, спелое, теплое. Он не спешил. Вышел из офиса и пошел пешком через центр.

Хороший летний вечер. Ветер ленивый, трогал за плечи между делом. Люди шли домой, кто с сумками, кто с детьми. Все никуда не торопились. И он не торопился.

Он шел. Смотрел на небо, на деревья, на мальчишку, который подпрыгивал на ходу — сам не замечая, просто потому что вечер хороший.

Он улыбнулся.

А потом достал наушники. Белые, маленькие. Вставил в уши. Нажал кнопку.

Там была запись вчерашнего концерта. Он не помнил, когда нажал «запись». Может, это жена нажала. Может, он сам. Может, сама музыка.

С первой ноты.

Его накрыло.

Он захотел танцевать.

Это был второй раз в жизни.

Первого он не помнил. Совсем. Ни где. Ни когда. Ни сколько ему было лет. Может, в два. Может, в три. Может, в прошлой жизни. Но тело помнило. Где-то глубоко, в позвонках, в том самом месте, где жила твердость и правильность, проснулось что-то маленькое и теплое.

И сейчас оно требовало танца.

Он не танцевал.

Как можно? Он большой начальник. У него совещание завтра в десять. Нельзя идти и танцевать.

Он шел. Прямо. Ровно. Спина прямая. Глаза вперед.

Внутри мужчина танцевал. О, как он танцевал! Как в том первом разе, которого он не помнил. Кружился. Подпрыгивал. Размахивал руками.

Снаружи он просто шел. Ботинки начищены. Галстук завязан правильно.

Он шел и улыбался. Прохожие думали: «Странный дядька. Улыбается ни с того ни с сего». Они не знали, что внутри этого дядьки танцует маленький мальчик.

В конце пути, за углом, у высоких тополей, он вынул наушники.

Посмотрел на небо. Солнце все еще висело низко — спелый персик.

Он улыбнулся. Широко. По-мальчишечьи.

Потом поправил галстук. Сбившийся. Не стал затягивать туго.

Пошел домой.

Дома ждала жена. Она увидела сбитый галстук. Увидела его лицо — спокойное, светлое, каким оно не было очень давно.

Она ничего не спросила.

Только улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ.

И пошел ужинать.А вы спросите меня, что это была за музыка.

«Freedom is a Voice», — скажу я вам. С альбома Essential.

Хотя это не важно.

Важно, что он захотел танцевать. Второй раз в жизни. Первый — так и остался в тумане, где-то в глубине, где нет ни отчетов, ни галстуков, ни больших начальников.

Он не танцевал снаружи. Только внутри.

Но внутри — он танцевал. И этого было достаточно.

Для одного летнего вечера. Для большого начальника. Для человека, который вспомнил, что свобода — это голос.

И этот голос никуда не делся.

Он там. В наушниках. В записи. В тишине после ужина.

Просто ждет. Следующего раза.

Форма содержания

Собственно, костюм был ещё ничего. Висел себе в шкафу, пылился потихоньку, ждал своего часа, как терпеливый пёс, которого давно не звали гулять. И вдруг — бац! — час настал. Какая-то там годовщина, то ли свадьбы, то ли работы, то ли просто пятница, на которую жена сказала: «Надень костюм, мы идём в люди». Я полез в шкаф, достал, стряхнул невидимую пыль, расправил плечи — и тут началось.

Брюки застегнулись, но с таким надрывным, почти человеческим стоном. Мне показалось: сейчас они лопнут по швам и разойдутся, обнажив моё пузо. Пузо было. Оно всегда там было, последние лет пять, но раньше оно как-то деликатнее себя вело, что ли. Теперь же оно нагло выпирало, требовало внимания, требовало уважения, требовало, чёрт возьми, новой пары брюк на два размера больше.

Жена зашла в спальню в этот самый момент — я стоял перед зеркалом, выпятив живот, пытаясь втянуть его обратно в ту форму, в которой он пребывал до того как меня начали кормить. А кормили хорошо. Это был главный пункт моего мысленного обвинения жене, хотя вслух, разумеется, я бы никогда этого не сказал. Супы наваристые, мясо, запечённое с картошкой, пироги с капустой, которые невозможно было есть в количестве менее трёх штук. И всё это вечером, часов в девять, когда мой метаболизм, по всем законам природы и здравого смысла, уже лёг спать, укрывшись одеялом. А я ел. Потому что вкусно. Потому что приготовлено. Потому что не съесть — обидеть.

— Ну что? — спросила жена из-за спины.— Ничего, — сказал я. — Влез.

Я не влез. Я втиснулся. Разница была примерно как между тем, чтобы войти в комнату и протиснуться в замочную скважину.

Мы пошли. Я сидел в ресторане, чувствуя, как брюки впиваются в талию, как пиджак предательски топорщится на спине, и думал о том, что когда-то, в молодости, у меня было тело. Не просто вместилище для внутренних органов и съеденных пирогов, а именно тело

— сухое, поджарое, с какими-никакими мышцами, которые я, впрочем, никогда особенно не тренировал, но они как-то сами держались, на честном слове и молодости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.